

**ПРАВО НА СОПРОТИВЛЕНИЕ (ВОССТАНИЕ):
ИЗ ИСТОРИИ ЮРИДИЧЕСКОГО ЗАКРЕПЛЕНИЯ**

И.В. Немкевич,

доцент кафедры теории и истории государства и права, Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины, кандидат исторических наук, доцент

Доктрина народного суверенитета, получившая свое обоснование и политико-правовое закрепление еще в Новое время, нисколько не утратила своей научной и политической актуальности. Первичность народного суверенитета по отношению к государственному обеспечивается не только тем, что именно народ конституирует власть, но и контролем со стороны народа за этой властью, включающим возможность революционного ее ниспровержения. Право сопротивления тиранической власти (или право верховного надзора, говоря словами Локка) было и остается пусть и экстраординарной, но неотъемлемой формой реализации народного суверенитета. Сегодня, однако, противодействие угрозе «цветных революций» и отрицание права народа на восстание является ярко выраженным трендом официальных политических концепций ряда государств постсоветского пространства. Предпринимаются попытки девальвировать значение данного права, оспорить его включение в систему общепризнанных прав человека. В таких условиях исследование исторического опыта юридического закрепления права человека (народа) на сопротивление угнетению (восстание) представляет несомненный интерес.

В западной правовой традиции дискуссия о праве на революцию против тиранов берет свое начало еще во времена Платона. Подъем христианства сопровождался широким признанием законности сопротивления насилию и свержения правителей, «тиранически злоупотребляющих царской властью», по выражению известного трактата Фомы Аквинского «О правлении государей».

Исторической вехой процесса позитивизации права на сопротивление (*jus resistendi*) явилось принятие в 1215 году Великой хартии вольностей. Статья 61 этого конституционного акта не только прямо говорила о праве на восстание, но и прописывала его процедуру: «...и те двадцать пять баронов совместно с общиной всей земли будут принуждать и теснить нас всеми способами, какими только могут, ... пока не будет исправлено (нарушение) согласно их решению» [1, с. 100]. Одним из первых в европейской истории документов, ограничивавших права монарха, стала и грамота венгерского короля Андраша II Арбата – Золотая булла 1222 года. Подобно Великой хартии вольностей в своей 31-й статье булла закрепляла право венгерского нобилитета на неподчинение королю. Внятное закрепление *jus resistendi* получил и в одном из старейших немецких правовых памятников. В статье 78 третьей книги «Земского права» сборника «Саксонское зеркало» мы читаем: «§ 2. Каждый может ... оказывать сопротивление противоправным действиям своего короля или своего судьи и даже оказывать помощь

в обороне от них всяким способом, ...и этим он не действует против своей обязанности верности» [2, с. 112].

Проявлением средневекового права *jus resistendi* и его развитием в Польше и Великом княжестве Литовском стали конфедерации – временные сословные политические союзы вооруженной шляхты с целью защиты своих прав и привилегий. Эффективные вооруженные демонстрации венгерского дворянства на историческом поле Рокош возле города Пешт ввели слово «Рокош» в политический лексикон Польши и ВКЛ. После протестного съезда шляхты под Львовом в 1537 году (так называемая «куриная война»), руководители которого в решении сеймового суда 1538 года были названы рокошанами, этим словом стали обозначать конфедерации, направленные против монарха. Правовую основу конфедерации, направленной против короля, представлял артикул об отказе от повиновения, внесенный в Мельницкий привилей 1501 года. Окончательное закрепление право неподчинения королю получает с принятием на элекционном сейме 1573 года при избрании на трон Речи Посполитой Генриха Валуа конституционного акта, определявшего статус монарха и основы государственного строя (Генриковы артикулы). Все последующие короли Речи Посполитой подписывали этот акт, положения которого завершали слова: «А если бы (упаси Боже) Мы чем-либо против прав, свобод, статей и условий выступили, или чего не выполнили, тогда жителей Короны обоих народов провозглашаем свободными от подчинения и верности Нам». Право на сопротивление оказалось весьма востребованным в Речи Посполитой, политическая история которой включила десятки конфедераций. Даже в условиях углублявшегося кризиса государственности шляхта настаивала на подтверждении права на неподчинение в конституционных актах (Кардинальные права 1768 года, Гродненская Конституция 1793 года).

Свое классическое воплощение право на восстание получает в правовых памятниках Нового времени, созданных на основе теории общественного договора и естественного права. Знаменитые Декларации американской и французской революций сформулировали юридическую максиму: когда правительство нарушает права народа, восстание для народа является его священным правом и обязанностью. После принятия Декларации прав в качестве части Конституции Вирджинии (12 июня 1776 года), включения Деклараций прав в тексты первых конституций американских штатов (Мэриленда и Пенсильвании в 1776 году, Массачусетса в 1780 году, Нью Гемпшира в 1784 году), а также Декларации прав человека и гражданина в Конституцию Франции 1793 года право на сопротивление (восстание) уверенно переходит в конституционное измерение своего закрепления в позитивном праве. Показательно, что нормы исторической Декларации прав человека и гражданина и сегодня остаются основой конституционного права Франции.

Косвенным образом право на восстание закрепляли и конституционные акты, принятые в результате так называемых социалистических и народно-демократических революций, многочисленных в прошлом столетии. В текстах таких конституционных законов отмечалось, что волеизъявление народа осуществляется в результате революции («Декларация прав народов России»

1917 года, «Манифест Временного рабоче-крестьянского Советского правительства Белоруссии» 1919 года, Конституции БССР 1937 года и 1978 года и др.), закреплялась обязанность «всемерной защиты» завоеваний революции (Конституция РСФСР 1918 года, Конституция БССР 1919 года). В Конституции Чехословацкой Республики 9 мая 1948 года, к примеру, идет речь о готовности «защищать всеми своими силами завоевания нашей национальной и демократической революции», а общественно-политический выбор чешского и словацкого народов подкрепляется ссылками на вдохновляющий пример Великой Октябрьской революции, на словацкое и чешское восстания 1944 и 1945 годов и даже на опыт народа «в гуситской революции»(!) [1, с. 414-415].

Более широкое распространение в конституционных текстах право на сопротивление получает во второй половине прошлого века: в 1980-х годах оно было закреплено уже примерно в десяти процентах конституций мира. Сегодня количество таких конституций возросло до двадцати процентов. Даже простой перечень государств, закрепивших право на сопротивление в своих конституциях уже в нынешнем столетии, заслуживает внимания: Восточный Тимор (2002 г.), Руанда (2003 г.), Армения (2005 г.), Демократическая Республика Конго (2005 г.), Таиланд (2007 г.), Эквадор (2008 г.), Мальдивская Республика (2008 г.), Гвинея (2010 г.) и Венгрия (2011 г.).

Современный глобальный конституционный процесс демонстрирует большое разнообразие в формах конституционного закрепления и регулирования права на сопротивление (восстание). В качестве субъекта такого права определяются как коллективы («народ»), так и индивиды («каждый», «каждый гражданин»), либо неопределенные по количеству субъекты («граждане», «все немцы»). По-разному конституции устанавливают и условия осуществления этого права: наличие незаконных приказов, посягательств на конституционный строй, демократию и права человека, отсутствие легальных возможностей защиты последних. Объектами сопротивления могут быть приказы и действия представителей власти, которые наносят ущерб правам и свободам (Гватемала, Демократическая Республика Восточный Тимор, Португалия), агрессоры, узурпаторы народного суверенитета (Греция, Перу), а также – и прежде всего – лица, посягающие на конституционный строй, и даже «любой политический режим, основанный на произволе, диктатуре, несправедливости, коррупции, взяточничестве, семейственности, клановом, племенном и концессионном строе и силовом захвате власти» [3]. Целью реализации права на сопротивление в большинстве случаев называется защита конституционного порядка. Встречаются предельно абстрактные определения: «свобода от угнетения» (Конституция Эквадора 1998 года), «сопротивление угнетению» (Конституции Гвинеи 1999 года и 2010 года). А действующая Конституция Португалии признает «право народов на восстание против всех форм угнетения» (статья 7, часть 3).

В ряде современных конституций данное право ограничивается использованием лишь законных или мирных действий (Конституция Нигера 1992 года, Конституция Республики Восточный Тимор 2002 года, Конституция Армении 2005 года, Конституция королевства Таиланд 2007 года). Закрепляя за каждым

человеком право и обязанность (!) сопротивляться законными средствами попыткам силового захвата или использования публичной власти, Конституция Венгрии 2011 года одновременно наделяет только государственные органы исключительным правом использовать силу для обеспечения действия Конституции и законов (статья С).

Таким образом, исторический опыт свидетельствует о наличии богатой практики включения права на сопротивление (восстание) в позитивное право многих государств, а также многочисленные случаи обращения общества к данному праву. Количество соответствующих примеров имеет положительную динамику (с заметным увеличением в последние десятилетия), охватывает государства разных континентов, принадлежащие к различным правовым системам. Представляется, что реальный мировой конституционный процесс опровергает логику тех его исследователей и комментаторов, которые игнорируют одну из форм реализации народного суверенитета и скептически относятся к идее законодательного закрепления соответствующего права человека.

Список использованных источников:

1. Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран / под ред. З.М. Черниловского. – М.: Юрид. лит., 1984. – 472.
2. Саксонское зеркало. Памятник, комментарии, исследования. – М.: Наука, 1985. – 275 с.
3. Конституция Республики Чад [Электронный ресурс] : Конституции государств (стран) мира // Интернет-библиотека конституций Романа Пашкова. – Режим доступа: <http://worldconstitutions.ru/?p=246>. – Дата доступа: 04.08.2017.